

ИСКУССТВО
ДЕТЕКТИВА

ТАТЬЯНЫ ДЕТЕКТИВНЫЕ РОМАНЫ ГАРМАШ-РОФФЕ

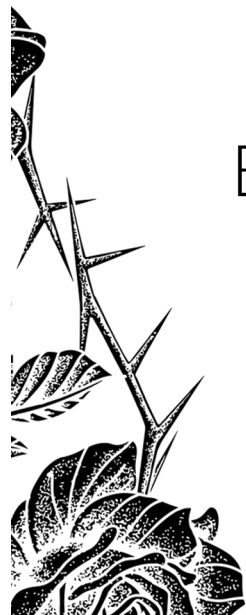
Тайна моего отражения	Ягоды страсти, ягоды смерти
Шантаж от Версаче	Вторая путеводная звезда
Частный визит в Париж	Золотые нити судьбы
Голая королева	Властитель женских душ
Шалости нечистой силы	Укрыться в облаках
Ведьма для инквизитора	И нет мне прощения
Роль грешницы на бис	Сердце не обманет, сердце не предаст
Вечная молодость с аукциона	Силы небесные, силы земные
Ангел-телохранитель	Легкое дыхание лжи
Королевский сорняк	Завещание с того света
Мертвые воды Московского моря	Светлый лик, темный след
Е.Б.Ж.	Наука страсти нежной
13 способов ненавидеть	Отрубить голову дракону
Уйти нельзя остаться	Разрыв небесного шаблона
Расколотый мир	Арка Купидона
Ведь я еще жива	Венец Фемиды
Черное кружево, алый закат	

**ТАТЬЯНА
ГАРМАШ-РОФФЕ**

ШАНТАЖ
ОТ
ВЕРСАЧЕ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г20

Редактор серии *А. Антонова*

Дизайн обложки *Я. Клыга*

Гармаш-Роффе, Татьяна Владимировна.
Г20 Шантаж от Версаче / Татьяна Гармаш-
Роффе. — Москва : Эксмо, 2025. — 448 с.

ISBN 978-5-04-186562-7

Что делать, если ты хороша собой, но слишком застенчива? А тут еще на банкете знакомишься с частным детективом, французом Реми Деллье, и понимаешь, что он — твоя судьба. И тогда сестра Александра, модная журналистка, придумывает всю эту историю с убийством стареющего развратника и шантажиста, где ты — главный фигурант. И теперь пусть только попробует галантный француз отказать тебе, несчастной, в помощи. Но самое невероятное, что убийство действительно случилось и исчезло тело. А ты становишься главной подозреваемой. И чтобы вытащить тебя, Реми и русский сыщик Алексей Кисанов готовы пойти на все...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-186562-7

© Гармаш-Роффе Т.В., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Все лица и события в этой книге являются вымыслом, любые совпадения могут оказаться только случайными. Действие романа происходит в конце девяностых годов.

ГЛАВА 1

Телефонный звонок оторвал Ксюшу от уютного созерцания старой кинокомедии по телевизору — под горячий чаек с воздушным печеньем, под веселый обмен репликами и комментариями с родителями. Она любила такие мгновения радостной беззаботности и семейного единства, напоминавшие ей детство... Совсем недавнее, впрочем.

Неохотно покинув большую комнату, Ксюша сняла трубку в прихожей.

— У тебя завтра занятия заканчиваются в котором часу? — без лишних сантиментов поинтересовалась трубка.

— Последняя пара в два. А что?

— Отлично. Будь к четырем возле Дома кино.

— Зачем это? — нехотя протянула Ксюша. — Опять коктейль?

— Ксения, — строго сказала Александра, — помрешь старой девой!

— Ну Саш, мне надоело... — попробовала поспорить Ксюша, не надеясь, впрочем, на успех.

— К четырем, слышишь!

Гудки отбоя были категоричны, как голос Александры.

...На девятнадцатом году жизни у Ксюши случился полугодовой, неудачный и единственный роман с однокурником.

На двадцать втором году Ксюша все еще была одинокой девицей на выданье, и ее старшая сестра, Александра, стала проявлять нешуточное беспокойство.

8 Ксения попыталась отвязаться от назойливой опеки сестрицы: «Мужчины меня не интересуют. Я, наверное, фригидна».

Ох, как Сашка взвилась! Она накричала на Ксюшу, велела выбросить глупости из головы и пообещала лично заняться подбором приличной кандидатуры, «а не каких-то там сопливых студентов, которые ничего толком не умеют и только отравляют юным девицам само представление о любви и о сексе!».

И Александра занялась. Она брала Ксюшу на все презентации, пресс-конференции, приемы и тусовки, которые посещала вне зависимости от того, собиралась писать статью или нет. Модная журналистка, Александра считала необходимым держать руку на пульсе светско-политической жизни, а модные тусовки считали необходимым украсить ряды приглашенных модной журналисткой — так, к обоюдной выгоде, происходил симбиоз Александры со столичной жизнью.

Нельзя сказать, чтобы Ксюша ощущала себя в своей стихии, таскаясь за Александрой по приемам. В отличие от старшей сестры она терялась, смущалась, была напряженной, фальшиво смеялась и постоянно краснела, когда к ней обращались, всякий раз испытывая острое желание сбежать. Но Александра твердила со смехом: ничего, мы из тебя сделаем цивилизованного человека! Главное, присмотри кого-нибудь, кого можно назвать мужчиной!

Ксюша огрызалась: а сама-то присмотрела? Ты отчего это до сих пор одна — от избытка настоящих мужчин?

— А ты где собираешься их искать, в университетской библиотеке? — парировала Александра. — Одного придурка уже нашла, мало показалось?

И в тот понедельник, который позже Ксюша окрестила роковым, она, уже давно перестав сопротивляться, послушно потащилась за старшей сестрой-журналисткой на международный симпозиум частных детективов...

...Реми Деллье приехал в Москву на симпозиум, организованный русским МВД, мэрией Москвы и крупной

компьютерной компанией-спонсором. Изучив программу, Реми за гладкими официальными строчками без труда увидел его истинные задачи: российские правоохранительные органы надеялись поднять при помощи более опытных зарубежных собратьев правосознание русских частных сыщиков и приручить их к себе; московская мэрия питала надежды на то, что удастся навести хоть немного порядка в том бардаке, который представляла собой на данный исторический момент русская столица; компьютерный спонсор рассчитывал приучить русских Шерлоков Холмсов пользоваться компьютерами и в особенности покупать их у фирмы-спонсора — и все вместе они устроили международную тусовку для детективов всех мастей и стран, которым предстояло нежно брататься друг с другом и с русской милицией в течение пяти дней.

Открытие симпозиума, происходившее в Доме кино, где устроители арендовали зал с фойе, было торжественным, претенциозным и скучным. Приветственные речи, блестящие в свете телевизионных юпитеров лысины, мятые, хоть и дорогие костюмы, нелепо сидящие на упитанных телах московских чиновников, — все вызывало у Реми зевоту, и он с сомнением качал головой, спрашивая себя, не сглупил ли он, приехав сюда.

На коктейле народу оказалось примерно вдвое больше, чем участников симпозиума. Откуда взялся народ, Реми так и не понял. Похоже, прибился на съестные запахи. «Говорят, в Москве голод... — подумал Реми, — можно людей понять...»

Впрочем, те, кто попадал в его поле зрения, на голодных похожи не были.

Между разномастными международными детективами заблестали то там, то сям женские наряды, заструился женский смех. Реми женщин любил. Тем не менее, дожив до тридцати одного года, все еще был холостяком. Сменив двух близких подружек (не считая неблизких), он на данный момент пребывал в состоянии вполне удовлетворительного одиночества, жениться не желал и даже новую подружку заводить не хотел — устал от семейных сцен и пристально-придирчивого интереса к его заработкам. Так что если

10 Реми и любил женщин, то примерно так, как некоторые любят кошек: вообще да, но иметь их дома — нет. Поэтому при знакомствах он стал последнее время осторожен: чуть заведешься, так и с новой сожительницей окажешься.

Тем не менее он стал оглядываться с интересом. Вокруг него было, по крайней мере, что-то новенькое: вокруг него были *русские* женщины. Он был о них наслышан — то знакомые, то пресса подкинет сюжетик, и притом в самых разных тональностях. Одни утверждали — красятся и одеваются как проститутки, да и ведут себя так же. Другие рассказывали, что азиатские устои у них в крови и русская женщина, по сути, мусульманка, которая покорна мужу и не имеет права голоса в семье; третьи пускали слюни от потрясающих русских манекенщиц; четвертые на русских женились... Последние ничего не рассказывали (ну кто же это вам во Франции расскажет о личной жизни!) — но их выдавали глаза: еще недавно потухшие, они вдруг начинали светиться новой жизнью... Впрочем, тоже не у всех. Некоторые начинали пить.

Реми не верил ни тем, ни другим — он верил себе. И поскольку любопытства (м-м-м, скажем, исследовательской страсти) ему не занимать, он решил воспользоваться моментом и составить собственное мнение о предмете.

Предмет был представлен широко. От толстых теток в чем-то блестящем, сверкавших яркими тенями на глазах и яркими тканями на чересчур круглых боках, — до голенастых стройных малолеток, сверкавших ягодицами и любопытными глазками, чрезмерно подведенными. Первое Реми не интересовало. Второе, пожалуй, тоже — возраст, мои милые, возраст. Мы уже вышли из возраста, когда... И еще не вошли в его другую стадию, когда...

Так что ни первое, ни второе. Реми с высоты своего роста окинул взглядом фойе, в котором происходила кормежка детективного, а также приبلудного народа, в поисках третьего. И третье не замедлило попасть в его поле зрения.

Нет, в ней не было ничего броского и вызывающего, тонкое лицо было серьезно, хотя едва заметная усмешка бродила в уголках полных, чуть тронутых помадой губ. В ко-

стюме светло-серой тонкой шерсти, в узкой длинной (до середины икр) юбке, обнимавшей стройные ноги, она ничем не сверкала, кроме рубина на пальце, который вспыхивал темно и кроваво каждый раз, когда его обладательница вскидывала на прицел небольшой микрофон ко рту собеседника, как только последний этот рот открывал. Вместе с микрофоном вскидывались на прицел темные глаза, и представители самой мужественной профессии, до сих пор провожавшие взглядами-фото вспышками каждую короткую юбочку, вдруг замороженно столбенели, наткнувшись на темные, с золотой искрой глаза журналистки. Реми решил подобраться поближе к этому чуду — в конце концов, почему бы ему тоже не дать интервью? — как по дороге наткнулся на еще одно удивительное создание.

Сначала была спина в светло-голубом. Просто спина, узкая, женская. А по спине струилась коса. Шелковистая каштановая коса до поясницы. Кажется, последний раз такие косы он видел в каком-то кино. И то в детстве.

Потом был полупрофиль нежной щеки (совсем девчонка!); он слегка прикоснулся, прося разрешения пройти (теплые плечи!), и обрел лицо. Лицо на него глянуло так, словно оно его узнало: радостно взмахнуло ресницами и порозовело. Этакое свежее яблочко... Актриса, должно быть, — начинающая, на ролях сусальных ангелочков. Тут народ какой-то натек на буфет детективов, а кто может натечь в Доме кино, как не его постоянные киношные обитатели?

Французскому детективу было невдомек, что народ в России может натечь откуда и куда угодно, если там тусовка.

— Бонжур, — сказал Реми, — вы не знаете, кто здесь отвечает за организацию? Я не вижу здесь одного своего русского друга и хотел бы о нем расспросить... — и вдруг спохватился, что говорит по-французски. Мир нынче говорит все больше на английском, что Реми несколько удручало как патриота: то ли дело в старые добрые времена, когда высшим шиком считалось... Впрочем, приходилось мириться с реальностью, и Реми переспросил на вполне приличном английском: добрый вечер, организация, русский друг...

12 — Я говорю по-французски...— заявило существо и распахнуло глаза. Реми тоже распахнул: в придачу к сказочной косе у этого существа водились неправдоподобные, почти круглые, теплые карие глаза.

— О, какая удача! — запел Реми.— Это необыкновенное везение! У вас потрясающее произношение! — Он врал: девушка говорила с акцентом.— А вы здесь тоже участвуете в симпозиуме?

В вопросе была легкая ирония — он был абсолютно уверен, что нет. Кареглазка не замедлила смутиться:

— Нет... Я просто пришла... И я не знаю, кто отвечает за организацию. Ничем не могу вам помочь, к сожалению.

— Вы актриса?

На этот-то вопрос Реми предполагал утвердительный ответ. Но она смутилась еще больше: «Н-нет...» — и покраснела еще больше.

Ресницы упали, лицо отвернулось, предоставив ему снова нежный овал розовой щеки, и Реми вдруг разозлился. Какого хрена он пристает к какой-то психухе? Чего ему от нее надо? Чего ему вообще надо от женщин? Ничего! Ни-че-го! Он взял от них бессрочный отпуск.

Он суховато извинился и протиснулся дальше. Журналистки уже не было на прежнем месте. Он и ее не стал искать: чего ему надо от нее? Ни-че-го!

Симпозиум проходил в конференц-зале гостиницы «Космос», буфет был поскромнее, чем накануне, в день открытия, и, главное, уже не дармовой, и незваные гости больше не смущали рабочее настроение детективов. Сегодняшняя конференция заканчивалась в четыре, после нее в программе был какой-то музей, и Реми, выйдя из зала, решал дилемму «ехать — не ехать». Любителем музеев он не был, если не брать в расчет музей криминалистики, но, с другой стороны, чем ему еще заняться в незнакомом городе, где люди говорят на незнакомом языке? Алексей, его русский друг, оказался болен ангиной — Реми навестил его вчера. Алексей звал к себе и сегодня, но... Неудобно беспокоить человека два дня подряд. К тому же больно-

го, к тому же занятого... Так что, похоже, придется ехать в музей. 13

Вот тут-то он и увидел ее.

Он не сразу понял, где он видел эти круглые, теплые, карие глаза. Да и косы на этот раз не было: волна каштановых волос, с легкой рыжинкой в выгоревших за лето прядях, выплескиваясь из-под белого берета, свободно бежала по спине, цепляясь лишь по краям за белый ворс легкого пальто. Пальто было расстегнуто; под ним виднелся бежевый костюм, напомнивший ему чем-то журналистку: тонкой шерсти, с узкой длинной юбкой, обнимавшей стройные ноги... В этой одежде кареглазка выглядела немного старше, чем показалась ему на открытии,— Реми поднял планку до двадцати-двадцати двух лет.

Он не знал, двинуться ли навстречу девушке или притаться, последить: чего это она тут делает, в гостинице, к кому пришла? Но карие глаза настигли его, распахнулись, рванулись к нему, и вслед за ними рванулась их обладательница.

Реми приготовил для нее лучшую из своих улыбок.

Долетев до Реми, девушка остановилась перед ним как вкопанная. Он только сейчас заметил, что ее верхняя губа, слегка вздернутая, приоткрывает ровные зубки и придает ее лицу выражение детской непосредственности.

Несколько мгновений она смотрела на него своими глазами. Реми уж было озадачился: влюбилась, что ли? — и начал подыскивать фразу, которая могла бы вывести их из неловкого молчания, как она выговорила по-французски помертвевшими вдруг губами: «Помогите мне...»

Реми давно не столбенел в своей жизни — ни от страха, ни от избытка впечатлений, но тут пришлось вспомнить, как это делается. Наверное, роль столба ему удалась на славу, поскольку девушка, не видя никакой реакции с его стороны, в совершенном отчаянии ухватилась за его свитер и горячо заговорила:

— Мне больше не у кого попросить помощи! Любой русский детектив будет обязан сообщить в милицию! А вы здесь чужой, вы — иностранец, и вы — не обязаны! Только вы можете мне помочь... Прошу вас!..

14 Все это было до такой степени неожиданно, что Реми не нашелся что ответить и уставился на нее изумленно, ожидая продолжения. Но продолжения не было. Девушка смотрела ему куда-то в грудь, кусая нежные губы. Ее рука в бежевой перчатке, до сих пор цеплявшаяся за его свитер, вдруг обмякла, разжалась, упала. Молчание затягивалось. Реми понял, что надо срочно выходить из столбняка.

— Что же у вас случилось? — проговорил он тихо и ласково, как разговаривают старые добрые доктора.

Но он, должно быть, передержал паузу, и кареглазка успела за эти мгновения прожить какие-то неведомые ему сомнения, поскольку она вдруг откинула голову назад, посмотрела на него в упор и заявила:

— Ничего.

Круто повернувшись, она направилась к выходу.

Реми колебался. Будь он причастен к научным, политическим, военным секретам, он бы сразу заподозрил неладное. В этом маленьком спектакле мог быть спрятан тайный интерес. Но какой тайный интерес можно иметь к частному детективу? Он быстро перебрал все возможные мотивы, отверг их все разом и заключил, что у девушки действительно что-то случилось серьезное, раз она — явно застенчивая! — решила обратиться к незнакомому человеку за помощью.

Реми догнал ее в два прыжка и взял под локоть:

— Это не дело, девушка. Объясните, что у вас стряслось! Иначе как я могу вам помочь?

— Я зря пришла... — Она остановилась и повернулась к нему, и Реми увидел на ее глазах слезы. — Вы не сможете мне помочь. И никто не сможет...

И она снова направилась к выходу.

Еще один прыжок.

— Погодите!

Не остановилась.

Еще прыжок.

— Стойте, я вам говорю!

Поймал в дверях:

— Не знаю, в моих ли силах будет сделать что-нибудь для вас, но дайте мне хотя бы попытаться!

— Вы не станете мне помогать.

— Вы так уверены?

Горькая усмешка в ответ. Но, слава богу, осталась стоять на месте.

— Что у вас стряслось? — требовательно произнес Реми.

— Хорошо, — решила девушка. — Раз вы так настаиваете...

(Как это у нее получилось, что *настаивает* — Реми?)

Она несколько мгновений поизучала свитер Реми. Наконец подняла свои огромные карие глаза и посмотрела в упор:

— У меня вот что стряслось... Шумно и судорожно перевела дыхание. — Я убила человека.

Реми не стал грешить повторами и исполнять во второй раз роль столба, даже если она получалась у него отлично. Он просто сказал «подождите меня» и поднялся в номер, чтобы взять куртку, боясь, что девушка за это время уйдет.

И одновременно желая этого, предчувствуя, что он втягивается в историю, да еще в чужой стране...

Но она его ждала.

Где можно поговорить, если у вас нет ни своего личного кабинета, ни даже своей квартиры? Гостиничный номер — двусмысленно... Конечно, в баре! Ну а если нужно поговорить так, чтобы никто не понял ваших слов? Конечно, в том баре, где меньше всего шансов встретить соотечественников! Учитывая, что предстоящий разговор предполагался на французском, Реми предпочел свалить из гостиницы, битком набитой всевозможными иностранцами, включая франкоговорящих.

Всю дорогу он сомневался в том, что принял правильное решение. Хм, «я убила человека». А он-то тут при чем? Он, ровно наоборот, как раз из тех, кто ищет убийц, а не помогает им!

— Вы вчера были на открытии нашего симпозиума, я с вами говорил, помните? Я еще спросил...

— Помню, «кто отвечает за организацию...»

16 — Что вы там делали? Вы не похожи на частного детектива...

— Я журналистка.

Ба, еще одна!

— Вернее, студентка...

— Вы приходили брать интервью?

— Нет... Я просто... Мне надо привыкать к атмосфере шумных собраний... Потому что я... Я всегда теряюсь, когда так много людей вокруг...

Понятно. Это, правда, никак не отвечает на вопрос, при чем тут он, Реми. И почему она выбрала именно его из всех собравшихся на симпозиум разномародных детективов. С другой стороны, когда именно на нас обращают внимание, мы ведь принимаем это как должное, правда? Мы ведь самые лучшие, разве не так? Стоит только разглядеть наши достоинства. Они ведь имеются в неограниченном количестве, даже если и глубоко спрятанные. Но когда нас выбирают, мы верим, что кому-то удалось их разглядеть? — иронизировал Реми. И, польщенные вниманием к нашей драгоценной особе, уже тащимся с этой кареглазой незнакомой девицей, чтобы выслушивать ее исповеди...

А точнее говоря, Реми отдавал себе отчет, что уже почти ангажировался ей помогать... «раз он так настаивает...» Но фокус в том, что она успела еще произнести другие слова: «Помогите...» А еще больший фокус заключается в том, что «только вы можете помочь!..» И как же было отказать хотя бы ее выслушать? Среднезвзятый француз — существо отзывчивое, а уж если просьба о помощи сопровождается прелестным взглядом прелестных глаз — то среднезвзятое мужское французское существо начинает бежать впереди паровоза, предлагая свои услуги.

Кафе в тихом переулке выбрала Ксения — так представилась ему девушка. Впрочем, добавила она, вы можете называть меня Ксюша, меня все так зовут. Реми, пытаясь создать непринужденный тон, восхитился: как это нежно — Ксю-у-ша! К тому же «ша»¹ — это ей ведь известно, она здорово говорит по-французски! — означает «кошка»,

¹ Chat — кошка (фр.).

и вместе получается так ласково и пушисто: Ксю-у-ша, 17 и так идет к ее круглым карим глазам!

Ксюша не имела представления, как выглядят знакомые кошки Реми, но лично она никогда не встречала кареглазых кошек. Тем не менее ей было приятно, и она даже слегка порозовела и улыбнулась, слушая эту птичью французскую трель — «Ксююша».

В малолюдном кафе они выбрали столик, покрытый красной клетчатой скатертью, у окна. Это, собственно, была чайная, и разнообразная домашняя выпечка занимала всю витрину. Реми взял две чашки чая и соблазнился куском воздушного торта, который русские называют французским неприличным словом «безе»¹. Ксюша от сладкого отказалась и тревожно ожидала, пока он устроится за столом.

— Рассказывайте, — обжегшись первым глотком чая, сказал Реми.

История выглядела одновременно банально и ужасно. Ксюша задумала отселиться от родителей и снять квартиру. Звонила по телефонам, приходила смотреть жилье. Вот и вчера, ближе к вечеру, она поехала осматривать квартиру, которая, по ее представлениям, должна была ей подойти во всех отношениях. Ее встретил мужчина лет пятидесяти, показал жилье, предложил чашечку кофе, за которой они и должны были обсудить детали — квартира Ксюше очень приглянулась. За кофе последовал ликер, потом он стал гладить ее коленку... Ксюша несколько раз вежливо снимала с себя его руку и уже решила покинуть чересчур гостеприимного хозяина, с которым она к тому же уже обо всем договорилась, как хозяин вдруг перегородил ей дорогу...

...Пока Ксюша отбивалась, он ей рассказывал, какой он богатый и как засыплет ее своими щедротами, если она не будет упрямиться.

Пока он пытался сорвать с Ксюши одежду, он угрожал и запугивал, рисуя перед Ксюшей страшные картины ожи-

¹ Название пирожного идет от французского слова *baiser*, означающего «поцелуй», одновременно созвучного широко употребляемому слову «трахать» на арго.

18 дающей ее кары за несговорчивость. Он-де могущественный мафиози, и дружки у него водятся не менее всесильные. И вот тогда...

И вот тогда Ксюша схватила какую-то вазу и шарахнула этого мужика по голове. И мужик упал.

Ксюша долго не могла поверить, что он умер...

Когда наконец поверила, то сбежала без оглядки. И только теперь понимает, что там остались ее отпечатки, все ее следы... А если ее найдут... (слезы на глазах), она никогда не докажет, что это была правомерная защита, потому что в этой стране нет законов — все управляется деньгами и мафией (слезы по щекам). И тогда, если ее не погубят русская милиция и русская тюрьма, ее погубит русская мафия, к которой, несомненно, принадлежал хозяин квартиры... (хлюпанье носом и платочек из сумочки).

Поставив точку, Ксюша стала выводить ноготком квадратик на скатерти. Ясно, что поле действий теперь было предоставлено Реми. Но он никак не мог сообразить, чего от него хочет кареглазка. История была вполне тривиальная, необычно в ней было только одно: что убийца, хоть и невольный, приходит за помощью к частному детективу. Ксюша была права в своих расчетах: случись это во Франции, он был бы обязан сообщить в полицию, обратиться она к русскому детективу, вышло бы то же самое. Закон есть закон! Именно по этой причине с Реми никогда не случалось подобных историй. И именно поэтому он никак не мог понять, чем он в состоянии помочь девушке.

— И что вы хотите? — попробовал угадать Реми. — Чтобы я вас увез во Францию и спрятал там?

— О, нет! — Ксюша немедленно залилась краской. — Я думала, вы сможете мне просто подсказать, как уничтожить следы моего пребывания в этой квартире! Вы ведь в этом должны хорошо разбираться, правда же?

Эта просьба показалась Реми легче выполнимой, чем вывоз Ксюши во Францию, и он горячо принялся инструктировать Ксюшу по поводу отпечатков (не забудьте дверные ручки!), посуды на двоих (вымойте вашу чашку из-под кофе, обе ликерные рюмки и уберите на место!), следов

обуви (снять туфли и протереть пол!), возможных записей в его еженедельнике о свидании с ней... 19

— Вы уверены, что этот человек был мертв? — внезапно спросил Реми, перебив сам себя. — Иначе не оказание помощи...

— Уверена! Я проверила и пульс, и даже веко подняла, и сердце послушала... Он был мертв.

— Значит, тело все еще там?

— Да...

— Вы нашли этого человека через агентство?

Ксюша ответила непонимающим взглядом: при чем тут...

— Да, через агентство...

— Это очень плохо.

Встрепенулась: почему?!

Все очень просто, объяснил Реми: как только тело найдут в квартире, то начнут искать, с кем могла быть встреча, кто мог прийти к нему домой... И могут выйти на агентство — вполне логично, кто-нибудь да знает, что хозяин хотел сдать квартиру, правильно? — и тогда легко найдут и Ксюшу. Если, конечно, тело найдут в квартире.

— А если не в квартире?

— Это будет не столь очевидно. Если тело вынести, а следы вашего пребывания в квартире уничтожить... И тело найдут, допустим, на улице...

Реми задумался. Ксюша начала бормотать, что она сделает все так, как он ей скажет... Вынесет тело... Вычистит следы...

— Этот мужчина жил один?

— Да, как я поняла...

— Тогда едем! — сказал Реми.

Ксюша опешила: едем — куда?

На квартиру, разумеется! Такой хрупкой девочке никогда не вытащить, к тому же незаметно, мужское, к тому же мертвое, тело! Реми чувствует себя обязанным помочь ей! Раз уж «только он может помочь».

Ксюша еще больше опешила. Долго глядела на него своими глазищами. И вымолвила наконец с трудом:

— Когда?..

— Прямо сейчас!

20 Реми показалось, что девушка грохнется в обморок. Ну да, подумал он снисходительно, ей должно сделаться нехорошо при мысли о трупe, который она к тому же сама...

— Мужайтесь, Ксюша. Если вас интересует мое профессиональное мнение, я вам говорю: это надо сделать. Если вы действительно хотите, чтобы я вам помог, то я вам помощь и предлагаю. Поехали!

— Я... Конечно, раз это необходимо... Только я сейчас... Я не могу прямо сейчас, у меня дело... То есть мне надо позвонить... — лепетала она. — Мне надо срочно позвонить сначала!

— Звоните, — милостиво разрешил Реми.

Ксения вышла из кафе — там телефона не было — и исчезла на долгих двадцать минут. Реми даже стал волноваться и подумывать, уж не сбежала ли девица от него... У него даже возникло чувство, что его водят за нос.

Но она появилась. Бледная и растерянная, она сообщила, что готова.

— А ключи — у вас есть ключи?

Ключи? Какие ключи? Ах, ключи от квартиры... Нет, у нее нет... Хозяин ей не успел дать... Но как же тогда они попадут в квартиру? Тогда нет никакого смысла ехать!

Что ж, это будет им стоить заезда в гостиницу, сообщил Реми. Там у него есть кое-что, способное заменить любой ключ. Привез в Москву специально, чтобы обменяться опытом с другом — помните, Ксюша, я вас еще о нем спрашивал?..

Из окна такси Ксюша никак не могла узнать дом. Снова у Реми возникло чувство, что его водят за нос, но быстро растаяло: Ксюша шла пешком от метро, и с этой стороны (с которой подвезло такси) никак не могла сориентироваться. В конце концов дом нашелся. Большой каменный дом, смотревший окнами на Москву-реку. Под окнами газоны, кусты, деревья. Дальше проезжая часть. За ней — река. Реми прикидывал, куда будет лучше пристроить труп. Сбросить в реку? Это было бы наиболее разумным решением... Если уж он всерьез намерен отвести все подозрения от Ксюши.

21 Надо продумать, как это сделать незаметно. Сейчас темнеет рано — осень...

Подъезд заперт, на стене домофон. Ксюша нервничала:

— Проблема в том, что подъезд либо открывается своим ключом, либо нужно позвонить в ту квартиру, в которую идешь, и тебе откроют...

Она посмотрела на Реми беспомощно. Тот улыбнулся:

— Вы способны произнести весело и уверенно — разумеется, по-русски: «Это я!»?

— Наверное...

— Давайте, я послушаю.

— Это я...

— Не годится! Повеселее!

— Это я.

— Еще разочек!

— Это я!

— Ну вот и отлично.

Реми быстро нажал подряд все номера квартир, и нестройный хор голосов откликнулся из домофона: кто там?, кто там?, кто там?..

— Это я!! — выпалила Ксюша.

Загудел зуммер, и они оказались в подъезде.

Дверь на втором этаже на проверочный звонок не ответила и спустя каких-то семь минут уступила Реми, несмотря на три замка. Темная прихожая пахнула на них пустотой. Ксюша замерла у стенки.

— Не снимайте ваши перчатки. Где осталось тело?

— Т-там, — она слабо махнула рукой в проем двери, ведшей в комнаты.

Реми прошел вперед, оставив девушку, умиравшую от страха, в коридоре, и через мгновение из комнаты доносился его голос:

— Но тут нет никакого трупа!..

Поскольку ответа не последовало, он выглянул из комнаты. Мелькнула мысль, что она сбежала со страху, — но она не сбежала, она просто сползала по стенке. Реми подбежал, тряхнул мягкое белое пальто вместе с тем, что в нем

22 находилось. Берет слетел на пол — поднял, побил о бедро, отряхивая, протянул:

— Держите себя в руках, Ксюша, сейчас не до обмороков. В чужой квартире надо действовать быстро. Где оставалось тело, когда вы уходили?

Он почти насильно ввел девушку в комнату. Ранние сумерки размыли очертания вещей, а зажигать свет было бы неосторожно. Но все же комната была достаточно хорошо видна.

— Покажите, где? В этой комнате? Или в другой — там есть еще одна, я туда не заходил. Здесь сколько комнат?

— Три... Но он собирался сдавать две. В третьей владелец квартиры хранит свои вещи, и она заперта...

Реми подергал ручку третьей, запертой двери и вернулся к Ксюше, покачивая головой:

— Так где же оставалось тело?

Ксюша поводила глазами по комнате, словно пыталась вспомнить. Реми терпеливо ждал.

— Там. — Ксюша указала на свободный угол ковра.

Реми ступил на указанное место и пригнулся. Светил фонариком, всматривался в пестрый узор:

— Крови было много?

Ксюша бессильно опустила на какой-то стул. Реми отправился на кухню, нашел чашку, принес ей воды:

— Пейте.

Подождал, пока выпьет, и переспросил:

— Много было крови?

— Н-нет. Совсем чуть-чуть...

— Вам повезло, ковер темный, красно-коричневый, ничего не видно. Но лучше было бы его сдать в химчистку... Если его выбросить совсем, это будет подозрительно. Ох, этот ковер очень осложняет нашу задачу!

— На ковре не должно быть следов крови... Он упал головой туда. — Ксюша ткнула пальцем в направлении окна.

— Покажите, как лежало тело!

— Я не запомнила точно, я так испугалась!.. Примерно вот так...

Выходило, что голова действительно пришлась на половицы паркета. Но и там не было следов крови. Ни трупа, ни следов.

— На вашей одежде не могли остаться следы крови? Вы 23
вчера были одеты так же?

— Нет, на мне была куртка.

— Проверьте ее, а лучше сразу постирайте. Как вышло, что вам удалось его ударить по голове? Он пригнулся?

— Да...

— Покажите как.

Ксюша медлила. Реми подождал и, видя ее растерянность, сменил тему: попросил описать мужчину.

— Среднего роста... Лет пятидесяти... Лысоватый... — с трудом говорила она, вспоминая.

— Какого телосложения? Худой, толстый?

Ксюша поняла: Реми пытается представить, могла ли она, довольно хрупкая девица, убить одним ударом мужчину. Значит, он ей не доверяет до конца... Она придала голосу вескость:

— Худощавый. Но с небольшим животиком. Дрябловатый такой, спортом явно не занимается.

— А лицо можете описать? Глаза запомнили, цвет волос?

— Это имеет значение? — в голосе Ксюши прозвучал вызов.

Реми эта информация была не нужна — он же не собирался разыскивать сбежавший труп, — но что-то в истории этой милой девушки с наивными глазами не сходилось...

— Не прямое, — ответил он. — Просто я хочу проверить, как хорошо вы запомнили происшедшие события и можно ли доверять вашей памяти, — выкрутился он и подумал, что это не так уж далеко от истины. — Так сможете описать лицо?

— Оно такое невыразительное, рядовое... Даже не знаю, какими словами его описывать.

— Нет никаких примет? Рост средний, телосложение среднее, возраст средний, лицо среднее? Ничего, что бросилось в глаза?

— Ничего.

— Совсем ничего?

— Право, он такой невзрачный... Ничего примечательного... Кроме...

Ксюша запнулась.

— Кроме? — поторопил ее Реми.

— ... Кроме перстня на пальце.

— Вот как? — заинтересовался Реми. — А перстень описать можете?

— Золотой... С большим синим камнем.

Реми посмотрел на Ксюшу внимательно:

— Сапфир?

— Я в камнях не разбираюсь. Синий.

— Ну и как же вышло, что вам удалось его ударить по голове? Вы ударили сзади? Спереди? Он наклонился?

— Наклонился, — угрюмо ответила Ксюша. — Хотел с меня трусики сорвать.

Реми немного смутился. Он бестактен, непростительно бестактен. Решил помогать девочке, а ведет себя как ее враг, как полицейский, подозревает. Зачем ей врать? Она же пришла к нему за помощью! Какой ей смысл скрывать что-либо? Тут уж как у гинеколога: показывай все. Или не ходи.

Молчание затянулось. Он оглядывал комнату, пытаясь представить развитие сцены.

— А почему тела нет? — вдруг проговорила Ксюша.

— Либо его кто-то унес, либо оно ушло само.

— Мертвые сами не уходят!

— Возможно, он все-таки остался жив.

— А... А что же мне теперь делать? Если он жив, он найдет меня! И засадит в тюрьму!

— Послушайте, Ксения, — Реми осторожно взял ее за плечи, — вы должны радоваться, что не убили человека. Ничего он вам не сделает. Если он жив, то вся ваша вина лишь в том, что вы его стукнули по черепу. За это никто вас под суд не отдаст! Хуже, если тело кто-то унес. Тогда ситуация выходит из-под нашего контроля... Однако все, что мы можем сделать, — это уничтожить здесь следы вашего пребывания. Чем мы и займемся. Где ваша ваза?

В нише стенки стояли две большие китайские эмалевые вазы: желтая и голубая. Ксюша указала на левую, желтую.

— Это вы ее поставили на место?

— Не помню...

Реми заметил, что в тонком слое пыли, покрывавшем мебель, кружок от вазы был не смазан, аккуратен. Тот, кто поставил эту вазу на место, постарался попасть точно в этот кружок — значит, ставили не машинально, а прицельно. И если Ксюша об этом не помнит, то ее поставил кто-то другой.

Реми ничего не сказал Ксюше, только повертел вазу в перчатках, посветил, пожал плечами:

— На ней нет видимых следов... вмятин.

Вытащил из своего чемоданчика тряпочку, накапал на нее из флакона и протер.

— Вы уверены, что желтой вазой? — поинтересовался Реми, рассматривая вторую, голубую. Пыль вокруг второй вазы тоже не была смазана.

— Кажется...

— Вам удалось не оставить следов... Впрочем, вазы крепкие, металлокерамика. Вспоминайте, Ксюша, к чему прикасались, — говорил Реми, лихо проходя, как заправская домохозяйка, по всем ручкам и поверхностям. — Во второй комнате были?

— Только на пороге. Когда хозяин мне ее показывал.

— А где вы пили кофе?

— Кофе?.. Мы пили кофе... на кухне.

— Но там нет никакой посуды! Ни на столике, ни в мойке. Пойдите взгляните.

Ксюша с трудом поднялась и направилась на кухню. Она открыла дверцу какого-то шкафчика и увидела ряд кофейных чашек, а за ними, поглубже, набор маленьких рюмок из позолоченного серебра.

— Мы пили кофе из таких! — крикнула она Реми. — И вот из этих рюмок — ликер!

Реми возник на пороге. Сунул нос в шкафчик, оглядел все чашки и рюмки, прошелся по ним своей тряпочкой.

— Может, вы сами вымыли посуду, уходя?

— Я? Не знаю... Кажется, нет...

Что-то в этой истории было не так. Кто-то пришел сюда после Ксюши и уничтожил все ее следы? Или владелец квартиры остался жив и все прибрал сам? Или девушка молчит ему голову? Но зачем?

- А ликер какой был? — спросил он.
- Французский.
- О-о! Название помните?
- Нет. Бутылка была пузатая... Из темного стекла...
- А где она стояла?
- Хозяин принес ее из комнаты, я не видела откуда.
- А почему он принимал вас на кухне?

Ксюша пожала плечами. Так в России принято. Если это не «гости», то принимают на кухне...

Реми вернулся в комнату и, осмотрев мебельную стенку, нашел за одной из дверей бар. Среди прочего находилась бутылка французского ликера «Гран-Марнье». Реми обтер и ее. Передвинувшись к секретеру, он нашел еженедельник и позвал Ксюшу. Изучив его содержимое, Ксюша сообщила, что в нем нет записей о встрече с ней.

- Тем лучше. А теперь поищите пылесос!

Ксюша безошибочно нашла его в небольшом чуланчике между комнатами:

- Пропылесосить?

— Нет, я сам. А то ваши волосы могут остаться в квартире. Ждите в прихожей.

Реми провозился еще минут пятнадцать. Он что-то поковырял в половицах паркета, протер тряпочкой пол, отходя назад, к порогу. Затем, выглянув на лестничную площадку, с предосторожностями послал Ксюшу вытряхнуть мусор из пылесоса в мусоропровод.

Наконец все было вычищено, протерто, проверено, и они покинули квартиру, ни с кем не столкнувшись на лестнице.

Миссия Реми была выполнена, и теперь, кажется, наступила пора расставаться.

Но расставаться не хотелось. Реми привык к одиноким вечерам своей одинокой жизни, более того, он ими наслаждался; но в чужом городе одиночество было каким-то некомфортным, неожиданно пронзительным — может, оттого, что еще не улеглось возбуждение от только что принятого приключения и хотелось его как-то отметить, завершить, например, бокалом вина; а может быть, просто

на фоне оживленных москвичей, гуляющих, несмотря на холодную осеннюю погоду, парочками, группками, компаниями — шумными и веселыми. Казалось, в этом городе у всех постоянный праздник, и трудности, переживаемые страной, о которых столько говорят во Франции, показались Реми враньем и пропагандой — по крайней мере, на этих лицах отпечатка пресловутых трудностей не было. И ему отчего-то вдруг захотелось принять участие во всеобщем веселье.

Не хотелось отпускать от себя Ксюшу еще и потому, что он ощущал недоговоренность, странность во всем, что он только что увидел и услышал. Все, что увидел, не сходилось с тем, что услышал. Убила — тела нет, и даже следов от него нет, кофе с ликером пила — посуды нет, ударила вазой — та девственно чиста. Согласитесь, что-то тут не то. В этой истории либо все же много лжи, либо все куда хуже, и в Ксюшину историю вмешался некто третий, который теперь подчинил развитие событий своему сценарию... Тогда что-то опасное заслонило горизонт, и Ксюша впутана в чужую игру. Тут Реми бессилён... И уже не сумеет ее ни поддержать, ни защитить. Ему вообще уезжать через три дня...

Можно ли что-нибудь сделать для нее за оставшееся время? Он хотел бы ей помочь: он уже, можно сказать, стал ее соучастником и чувствует за нее ответственность... И даже некоторую близость...

Короче, не хотелось оставаться одному и хотелось понять. И он позвал Ксению поужинать.

Ксюша согласилась.

В ресторане он, стараясь ничем не выдать своих сомнений, осторожно расспрашивал ее о том о сем. Ничего такого, что могло пролить свет на эту загадочную историю, ему узнать не удалось, все было просто и ясно, как в детской книжке: студентка, живет с родителями, есть старшая сестра, которая живет отдельно, есть подруги, парня нет (отчего-то вдруг обрадовался). Зато к концу вечера он ощутил странный, уже подзабытый трепет сердца при мысли о расставании и, против всякого благоразумия и правил своей холостяцкой жизни, пригласил ее завтра снова на ужин, убеждая себя, что ему все равно через три дня уезжать и он ничем не рискует...

Алексей Кисанов, к которому со времен его детства прочно прилепилось прозвище Кис, был в самом мрачном расположении духа. Во-первых, болело горло. Не просто болело — пошло какими-то отвратными нарывами. Три раза в день полоскать прописанной врачом гадостью, глотать антибиотики, шататься и потеть от слабости, вызванной высокой температурой, — спрашивается, у него есть на это на все время? Отвечается: нет! Нет у него времени, нет у него такой роскоши — поболеть в кровати! У него дела, причем неотложные. А во-вторых — дела эти не двигаются. Отчасти из-за ангины, отчасти из-за... хрен его знает отчего. Есть еще и в-третьих: пропустил симпозиум. Кису на симпозиум начихать — это все мэрия с милицией затеяли, чтобы прибрать частных детективов к рукам, попытаться вытеснить их с криминальной территории, оставив частникам слежку за неверными супругами и конкурентами. Но Кис рассчитывал во время симпозиума зацепить кое-какие контакты как в России, так и за рубежом: иногда бывает нужна помощь, и вот тут и спасают личные знакомства... Так что он планировал разжиться визитками. А вышло что? Ангина и несделанная работа.

И негодника Ваньки нет — наделал «хвостов» в прошлом году и теперь мучительно сдает их. В большой трехкомнатной квартире Киса на Смоленке, в которой и процветало его сыскное агентство АКИС (Алексей Кисанов, понятно ведь?), стало тихо и пусто без Вани — веселого прогульщика, который снимал маленькую комнату у Киса, расплачиваясь за нее услугами. На время экзаменов Ванька перебрался к своим родителям: кормят-поят-обслуживают его важно-экзаменационную персону. И вот теперь сидит бедный Кис, всеми заброшенный, у себя на кухне, размешивает в стакане водку с медом и жалеет себя. И Реми тоже хорош — вчера прискакал, а сегодня даже не позвонил.

Строго говоря, Кису было весьма кстати побыть одному: если днем бегать, а вечером пить водяру с приятелем, то когда же думать? Ночью надо спать — особенно в его

состоянии, когда его буквально подкашивает температура под тридцать девять. Так что вечер высвободился, оно и к лучшему... И все же ему было обидно, что Реми не пришел. Кис болел, как болеют маленькие дети: капризничал без причин — просто изводился от высокой температуры и ломоты в теле. Ему хотелось забраться в постель и чтобы кто-нибудь за ним ухаживал: приносил противные лекарства, горячую еду на подносике, а он бы привередничал и нос воротил... Отчего это Реми не пришел? Нового приятеля завел в Москве? — ревниво думал он.

Нет, Кис вовсе не был сторонником однополой любви. Он к своим сорока трем годам вообще не был сторонником никакой любви. Разучился он любить. Может, не любить, а просто доверять — но Кис не умел любить без доверия. А доверять перестал — всем. Жена сбежала семь лет назад с его близким другом со студенческих лет, финансы которого неизмеримо превосходили финансы Алексея, тогда еще только начинавшего частного сыщика. Вот так, пришла в один прекрасный день и сказала: «Я с тобой развожусь, Алеша...» А Кис до того самого дня ни сном ни духом не ведал, что отношения жены с другом не то что зашли так далеко, а вообще существовали!

Спрашивается, можно после этого доверять кому бы то ни было — будь то друзья или женщины?

А Реми ему сразу показался симпатичным. Он вышел на него через знакомых, когда ему понадобилась помощь в Париже — выслеживал одного хмыря с любовницей. Реми охотно подключился, они познакомились — и Алексею понравилось в нем то, что в душу не лезет, умеет молчать, чутко чувствовать настроение и даже мысли. Дружба их была странной, во всяком случае для русского человека: они виделись крайне редко, ничего интимного и философского не обсуждали, да и английский в качестве международного средства общения не очень-то способствовал обмену мыслями, а вот поди ж ты — понимали друг друга. Неожиданно выяснилось, что не нужна ни общность взглядов, ни общность воспитания, культуры, биографии, возраста — все было разным, но им друг с другом было хорошо. Каждый чувствовал —

30 на другого можно положиться. И Алексей очень ценил это уже позабытое ощущение.

Кис осушил сладкую медовую водку залпом, кривясь — гадость какая! — и решил идти спать. Кис ложился обычно поздно, а сейчас было всего каких-то одиннадцать часов, но благоразумие подсказывало, что лучше всего завернуться в одеяло, согреться и уснуть. К тому же пустота квартиры его угнетала... в чем он, впрочем, не хотел себе признаваться; и телефон, паршивец, молчал: вечно трезвонит как проклятый, когда не надо, а вот сейчас, когда Кису так неуютно и одиноко, молчит, подлец!

Может, домработницу завести? — думал Кис, волочась к постели. Какую-нибудь пожилую заботливую тетю Машу-Дашу... Она бы за ним поухаживала, уложила бы его в постель... Чувь какая! Тетя Маша-Даша, если бы и существовала, уже давно бы убралась к себе домой, кормить своего пьяницу-мужа и прочее семейство! Так что одиночество Кису, видать, на роду написано, и даже домработнице не суждено его скрасить...

И тут телефон зазвонил. Прямо у Киса в руке — он нес его к кровати. «Алло?» — просипел он в трубку.

Это был Реми. Рассыпавшись в тысяче извинений, что не сумел позвонить раньше, француз сообщил, что познакомился с одной девушкой... Да, с русской девушкой... Так что сегодняшний вечер оказался неожиданно занят... Впрочем, история получилась несколько странная, он завтра расскажет Кису... Завтра, скажем... м-м-м... если Киса устроит часов в... м-м-м... одиннадцать вечера? Не поздно будет? Кис ведь обычно поздно ложится? Поскольку в семь у Реми ужин... С ней? Конечно, с ней, с кем же еще! Выздоровливай, Кис!

«Ну вот, приехали. Когда это он успел?» — ревниво пробурчал про себя Кис. Он почувствовал себя преданным, как будто у них был сговор состоять в профсоюзе холостяков всю жизнь, а вот Реми теперь решил из профсоюза выйти.

Резвый какой, однако! Не успел приехать в Москву — и нате вам, девушка у него уже! Кис в Москве живет,

и временем располагает, и русским языком — а вот поди ж ты, никаких девушек у него нет! Впрочем, это он просто так, ворчит по-стариковски. Реми еще совсем молодой. Надоели ему женщины? В тридцать один год такие слова звучат скорее как шутка... куда же он от них денется! То ли дело Кис — ему сорок три, и его намерения уже можно принимать всерьез.

А что касается «несколько странной истории» — так с женщинами всегда странные истории приключаются, ничего удивительного, брюзжал Кис, закапываясь в холодное одеяло. Но только вряд ли его можно считать специалистом в области женской психологии, тут у него имеются сомнения, что он может оказаться хоть чем-то полезен Реми...

Кажется, где-то посреди этой мысли Кис и уснул.

Весь следующий день Реми пребывал в полном разладе с самим собой. Он пропустил мимо ушей почти все доклады, он рассеянно и невпопад отвечал на приветствия новых и старых знакомых по симпозиуму. Он думал о Ксюше, он заново и заново прогонял в голове ее рассказ. Во всей этой истории было явно что-то не то... Он просто нутром чувствовал какую-то... фальшь, что ли? Нет, нет, в Ксюше фальши не было! Напротив, в этой девушке было столько искренности, столько тепла, которое, казалось, щедро струилось от нее, столько открытости миру, готовности этот мир (включая Реми!) понять, принять, любить, что он не мог ей не верить...

Вечером они снова ужинали вместе, и в ресторане он вел себя непринужденно, болтал и острил вовсю — может, даже чрезмерно: прятал беспокойство.

Кажется, удачно: Ксюша беззаботно смеялась его шуткам — может, даже чрезмерно... Слишком беззаботно для человека, совершившего всего лишь два дня назад убийство! Тем более что труп сбежал... Даже бывалому детективу не по себе от догадок.

Он смотрел в эти чудные, карие, глубокие глаза, словно пытаясь найти ответ на свой вопрос. Но в глазах ответа не было, в глазах искрилась радость, смех, удовольствие — он ей нравился, ей было хорошо с ним, и она непринужденно смеялась его шуткам, и верхняя, немного вздернутая губа

32 обнажала ровные веселые зубки. Его мучило ощущение обмана — но она была так по-детски открыта, простодушна! Невозможно было ей не верить! И в то же время во всей этой истории были какие-то мелочи, которые его настораживали, которые ему шептали: тут что-то не то!

Где же было запрятано «что-то не то»? — ломал голову Реми. А оно было! Оно дразнило, оно подкрадывалось, оно накатывало нектати посреди очередной смешной фразы, и Реми делал усилия, чтобы не выдать своих сомнений.

И в то же время оно интриговало. Оно обостряло ощущения. Более того, оно обольщало. И Реми чувствовал, что теряет голову.

После ресторана, прощаясь у подъезда, он уже грел ее холодные пальцы в своих руках, он дышал на них и целовал розовые нежные подушечки, прижимая их к своему лицу; он добрался до застывших, робких губ, он нырнул в умопомрачительно воздушную, прохладную волну волос и шептал, шептал, шептал — что они встретятся завтра, и послезавтра, и послепослезавтра, и вообще он поменяет билеты и задержится в Москве...

«А потом что? — думал он. — Разве это спасет?»

Реми обхватил ее за плечи:

— А потом я пришлю тебе приглашение на Рождество... В Париже очень красиво на Рождество... Приедешь?

Она кивнула, и ее волосы нахлынули на него вслед за руками, потянувшимися к его шее.

С проспекта Вернадского, куда он проводил Ксюшу, Реми направил свои стопы — вернее, колеса такси — на Смоленку, к большому старинному желтому дому, где в просторной трехкомнатной квартире обитал Кис.

Реми начал с порога: познакомился вчера с девушкой, имя какое чудное, только послушай — Ксю-у-уша, но такая странная история приключилась, хотел бы услышать мнение друга...

— Спросил бы хоть для приличия, как я себя чувствую! — буркнул Кис.

— Я и так вижу — плохо.

— Мне почему-то всегда казалось, что французы — народ деликатный. 33

— Это всего лишь один из мифов.

— Спасибо, что просветил. Рассказывай свою странную историю. Только, предупреждаю, я вряд ли могу быть советчиком по части женской психологии.

— Во-первых, ты русский. И как русскому человеку, тебе легче понять...

— Ты мне напоминаешь одну мою знакомую, — бесцеремонно перебил Кис, — она вечно приходит ко мне и спрашивает совета: скажи мне, Леша, как мужчина... А что я могу сказать как мужчина? Мужчины все разные! Одному надо сразу дать, чтобы его зацепить, а другого надо поводить за яйца (Кис вставил французское слово, которому его научил Реми: слово звучало как родное — «куй») как следует, потомить, чтобы дело выгорело...

— Ты — русский, — упрямо повторил Реми, не улыбнувшись шутке, — и ты знаешь то, чего не знаю я. И во-вторых, ты детектив.

— Ты, кажется, тоже?

— Ты русский детектив!

— Ладно, — сдался Кис, — чего торговаться, валяй.

Реми рассказывал, тщательно припоминая детали. Алексей не перебивал, только один раз спросил, не хочет ли Реми водки. Реми не хотел.

— Подобная история сама по себе у меня никаких сомнений не вызывает: убила, защищаясь, — итожил он. — Она могла приключиться где угодно, в любой стране. Но что-то в ней меня напрягает, что-то в ней звенит...

— В истории или в девушке?

— Не знаю, — признался Реми.

— Девушка фальшивит?

— Нет, в том-то и дело, что нет. Она очень естественна, непосредственна, ей хочется верить... И верится. Но не веришь глазам своим. От нее веет нетронутой чистотой, добротой, наивностью... Что часто встречается — ты согласен со мной? — у милых, но недалеких людей. Но она при этом

34 умна! Слышал бы ты, сколько тонкости в суждениях, какая глубина!.. Может, это у вас в России существуют такие редкие экземпляры? Кто вас, русских, знает, у вас все как-то по-другому происходит. Во Франции о русских ходят легенды, все разные и все преувеличенные... Что бы ты подумал на моем месте?

— Я такие вещи, мой друг Реми, не думаю, а чувствую. И поскольку я почувствовать за тебя не могу, то не знаю, что тебе и сказать. Наивные девушки и у нас перевелись, особенно за последние годы...

— И в то же время она как-то странно равнодушна к совершенному ею убийству. Человек, убивающий впервые в жизни, обычно подавлен... А уж тем более такой юный и неопытный, как она... Что-то тут не вяжется! Может, она сумасшедшая? Душевнобольная? Не ведает, что творит?.. Нет, нет, не похоже.

— Ну, давай попробуем мозгами раскинуть. Так что насчет водки?

— Уговорил, снимем стресс. Только мне с тоником.

— Добро с тобой только переводить, с французом. В прошлый раз ведь чистую пил?

— Поэтому сегодня и прошу с тоником...

Кис убрал кипу газет и журналов со стола, аккуратно сложил какие-то вырезки в папочку, пристроил все это на широком подоконнике, ворча, что этим хозяйством обычно Ванька занимается, а вот, подлец, уже вторую неделю как пропадает; смахнул со стола обрезки бумаги и поставил стопку для себя и стакан для Реми. Принес из кухни запотевшую бутылку водки из морозильника, пузатую пластиковую бутылку тоника, в двух тарелках устроил закуску вперемешку — горсть чипсов соседствовала с соленым огурцом, нарезанным на толстые кружки, сыр притулился возле копченой колбасы — и, жестом пригласив Реми к столу, заговорил:

— Значит, как я понимаю, основной вопрос в том, врёт девушка или не врёт, правильно?

— А второй — если не врёт, то тогда во что мы с ней влипли.

— Погоди, до второго вопроса еще дойти надо... Значит, врёт или не врёт. Ты, с одной стороны, ей веришь, но что-то тебя смущает?

— Да в том-то и дело, что верю... Да и зачем ей было меня обманывать? Никакого смысла! У нее действительно беда, она убила — или считает, что убила, — какого-то мужика и просит помочь замести следы. Зачем меня водить за нос?

— Может, она просто мифоманка? У мифоманок часто бывает повышенно-честное выражение лица...

— У нее не повышенно-честное! У нее доверчивое, открытое, искреннее!

— Ты часом не влюбился? — осведомился Кис.

Реми промолчал.

— Ну-ну. Как я понимаю, сомнения у тебя по поводу доверчивой и искренней начались именно в квартире? Сбежавший труп, мытые чашки, чистая ваза, нетронутый кружочек в пыли — да? В показаниях не уверена, куда упал да как упал, где чего стояло — так? Значит, тогда сформулируем вопрос таким образом: могла ли она привести тебя не в ту квартиру? И если да, то зачем?

— Не имею представления...

— Допустим, испугалась, что ты слишком сильно впутываешься в это дело, слишком конкретно... Это в ее планы не входило. Она тебя не знает, не доверяет до конца. И с ходу ведет тебя не туда, где совершилось убийство. Как тебе такой расклад?

— Туго. Я предложил ей конкретную помощь: ладно, отпечатки — могла бы и сама справиться, но я предложил ей вынести труп! Если она пришла ко мне — значит, больше не к кому было. И если она уклонилась от моей помощи, то как же она будет выкручиваться? Я ведь ей объяснил: тело не поднять в одиночку, тем более мертвое. Она должна была воспользоваться такой возможностью! Поверь мне, она умирала от страха в этой квартире! Нет, квартира та.

— Примем за рабочую версию. Значит, квартира — та, но трупа нет. И следов нет. Кто-то пришел после нее? Вынес труп, замел следы? Или труп — не труп, а прочухался и куда-то смылся? Может, в больницу потопал? Или «Скорую» вызвал?